

Содержание

Б. Тарасов
Бремя человечности
7

ИДИОТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
27

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
239

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
415

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
580

Примечания
769

БРЕМЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Пушкин, высочайший для Достоевского авторитет в литературе, однажды заметил, что труднейшая задача человека на земле — нести бремя жизни, «иго нашей человечности». Можно сказать, что художественному воплощению этой задачи, разгадыванию «тайны человека», выявлению собственно человеческого в человеке и посвящен предстоящий вниманию читателя роман, как и все другие произведения писателя. В одной из статей о Достоевском Вл. Соловьев сформулировал принципиальный итог, который вытекает из художественных раздумий автора «Идиота» над неизбывными условиями и коренными особенностями пребывания человека в мире: «Пока темная основа нашей природы, алая в своем исключительном эгоизме и безумная в своем стремлении осуществить этот эгоизм, все отнести к себе и все определить собою, — пока эта темная основа у нас налицо — не обращена — и этот первородный грех не сокрушен, до тех пор невозможно для нас никакое *настоящее дело* и вопрос *что делать?* не имеет разумного смысла. Представьте себе толпу людей слепых, глухих, бесноватых, и вдруг из этой толпы раздается вопрос: что делать? Единственный разумный здесь ответ: ищите исцеления; пока вы не исцелитесь, для вас нет дела, а пока вы выдаете себя за здоровых, для вас нет исцеления»¹.

Продолжая свою мысль, философ подчеркивал, что истинное плодотворное дело и духовный рост возможны тогда, когда в природе и человеку есть положительные силы добра и света,

1 Соловьев Вл. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 311.

которых нет без Бога. Поэтому неудивительно, что вопросы «что делать?» или «кто виноват?», задававшиеся, как известно, не только Н.Г. Чернышевским или В.И. Лениным, Л.Н. Толстым или А.И. Герценом, получали на практике неудовлетворительные ответы, ибо они ставились и решались в границах не преобразованной и даже все более темной основы человеческой природы, оставляя в стороне самый главный вопрос о подлинной сущности, истоках, целях и смысле человеческого бытия. Кто есть человек — продукт стихийной игры слепых сил природы, «свинья естественная», как утверждает, например, Ракитин в «Братьях Карамазовых» и подобные ему персонажи в других романах? Если человек, со всеми своими духовными устремлениями и нравственными страданиями, принимает себя, опираясь на материалистическое мировоззрение, лишь за мышь, пусть и «усиленно сознающую мышь» (так выражается герой «Записок из подполья»), тогда нелепо и нелогично надеяться на какое-то братство и любовь среди людей. Тогда естественно и логично ощущать или осознавать свою жизнь в категориях самосохранения и борьбы за существование, тайной вражды и скрытого взаимовытеснения, конкуренции и соперничества — в тех категориях, в которых собственно человеческие свойства личности, резко выделяющие ее из природного мира, например, милосердие, сострадание, праведность, честь, совесть и т.п., утрачивают свою подлинную сущность и самостоятельную значимость, угасают за невостребованностью и ненадобностью.

И напротив, если человек воспринимает себя как образ и подобие Божие, тогда он удовлетворяет глубинную, более или менее осознанную потребность в не теряемом со смертью смысле своего существования, а все специфически человеческие свойства, слитые с действенной памятью о Первообразе и Его заповедях, становятся, по Достоевскому, не внешней условностью, а внутренней силой, способной преодолеть природный плен биологического отбора, превозмочь иго натуральных страстей, гедонистических склонностей, властных притязаний, господствующей конъюнктуры, своекорыстных расчетов, словом, тех свойств, которые в разной степени, форме и пропорциях торжествуют в миропредставлении и жизненной ориентации «усиленно сознающей мыши» и вно-

сят катастрофические элементы дисгармонии и разлада во взаимоотношения людей. По его неизменному убеждению, от смутно ощущаемого или ясно осознаваемого ответа на главный вопрос о собственной сущности, с разной степенью отчетливости и вменяемости дающий о себе знать, зависит вольное или невольное предпочтение определенных ценностей, направление воли и желаний, та психологическая доминанта, которая в конечном итоге предустанавливает и активизирует идейный выбор или конкретный рисунок жизни, судьбу отдельной личности, целого народа, всего человечества.

Эта основополагающая альтернатива жизни «с Богом» и «без Бога» неразрывно соединяет в художественно-философском подходе Достоевского элементы вечного и обыденного. «Роковой и вековечный вопрос о необходимости понятия бессмертия души для прогресса», — заключает он, как бы соединяя проблемы религии и высокой метафизики с ходом эмпирической истории и конкретной деятельностью людей. «Представьте себе, — замечал писатель в одном из писем, — что нет Бога и бессмертия души (бессмертие души и Бог — это все одно, одна и та же идея). Скажите, для чего мне надо жить хорошо, делать добро, если я умру на земле совсем? Без бессмертия-то ведь все дело в том, чтоб только достигнуть мой срок, и там все хоть гори. А если так, то почему мне (если я только надеюсь на мою ловкость и ум, чтоб не попасться закону) и не зарезать другого, не ограбить, не обворовать, или почему мне если уж не резать, так прямо не жить за счет других, в одну свою утробу?»¹.

Раздумывая над «тайной человека» и отвечая в своих романах, в том числе и в «Идиоте», на такие вопросы, Достоевский раскрывал в мире всегда двоящиеся картины, когда добро и зло многообразными переплетениями событий и поступков слиты в неразрушаемый узел, а взлетающий на духовную высоту человек с неизменным постоянством шлепается в грязь. «Сорвавшиеся с корней», «потерявшие нитку», не имеющие твердой нравственной почвы и высших ориентиров, а потому «корчащиеся» под грузом современных проблем люди становятся пред-

1 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 30. Кн. 1. С. 10.

метом пристального внимания писателя во многих произведениях, как и в предстоящем перед читателем сочинении. «Лебедев — гениальная фигура, — отмечал автор «Идиота» в черновиках. — И предан, и плачет, и молится, и надувает Князя, и смеется над ним. Надувши, наивно и искренно стыдится Князя»¹. Своеобразно дополняет характеристику подобного состояния сознания исповедь другого персонажа «Идиота» (Келлера), заявляющего: «...И слова, и дела, и ложь, и правда — все у меня вместе и совершенно искренно».

Согласно логике Достоевского, бесхребетная раздвоенность поведения при утрате вековечного идеала, отсутствии подлинного смысла жизни и исчезновении «высших типов» вокруг создает благоприятную для «темной основы нашей природы» атмосферу, в которой господствуют искание и приумножение «своего права», утоление разнообразнейших эгоистических желаний, самолюбие, тщеславие, зависть, соперничество, чувственные страсти. Он заключал, что общество имеет предел своей деятельности, тот забор, на который оно наткнется и остановится из-за своего нравственного состояния.

По убеждению писателя, отвратить отдельную личность, целый народ или все человечество от подобной перспективы может лишь жизнь «с Богом». Только абсолютный идеал, его духовная высота, нравственная глубина и смыслополагающая сила стирают в душе все остальные идеалы и идолы и позволяют людям не довольствоваться собственной греховной природой, а стремиться к ее преображению, очищают корыстолобиво-разрушительные побуждения природы и переводят их в созидательно-человеческую плоскость. Таким идеалом, создающим непосредственность и непобедимость ощущения высшей красоты и подлинной духовной гармонии, делающим благодатный отказ от «натуральных» движений собственной воли «самовольным» и естественным, была для писателя личность Христа, Богочеловека с Его совершенной любовью, которая является выражением предельной свободы и одновременно величайшим самостеснением, жертвой, победой над созданной Адамом «натурой». По его убеждению, только хри-

1 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 252–253.

стоподобная любовь (и большая или меньшая способность вместить ее в чистом сердце), которая не завидует, не гордится, не превозносится и «не ищет своего», ибо не отождествляется ни с каким частным интересом или естественными склонностями, дающая, а не берущая любовь, которая долготерпит и все переносит, способна преобразить «темную основу нашей природы», возвысить и облагородить приниженную душу человека, восстановить в нем «образ человеческий», изменить и восполнить «укороченное» эгоцентризмом его сознание. Одна из самых главных и заветных мыслей Достоевского, доверенная его герою, звучит так: «На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом»¹. Потому-то и так важно, заключал писатель, беречь «Знамя Христово», что оно сохраняет твердую почву в различении добра и зла, не позволяет слепотствующему уму увлекаться ложными ценностями, оживляет в очищающемся сердце подлинную любовь. Ту любовь и те силы подлинного благородства и высокой человечности, которые недостижимы без благодатной помощи и сложнее всего поддаются художественному изображению.

О чрезвычайной сложности изображения «положительно прекрасного» вообще, а в современную ему эпоху, когда все, напротив, складывалось «как бы с целью исключить в человеке всякую человечность», когда «все проедены самолюбием», в частности, Достоевский писал во время работы над «Идиотом» своей племяннице С.А. Ивановой: «Идея романа — моя старинная и любимая, но до того трудная, что я долго не смел браться за нее... Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но и даже европейские, кто только ни брался за изображение *положительно* прекрасного, — всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Хрис-

1 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 290.

тос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо»¹.

В логике Достоевского «одно только», «бесконечное чудо» («чудесная и чудотворная красота», «пресветлый лик», «нравственная недостижимость» — такими словами он характеризует Богочеловека) нельзя повторить во внешнесобытийной буквальности, но можно в разной степени вмещать его дух и плоды и освещать «Светом Христовым» (часто употребляемое им словосочетание) несовершенные проявления всего «чисто человеческого», в том числе и его наилучших образцов. «Из прекрасных лиц в литературе христианской, — пишет он далее племяннице, — стоит всего законченное Дон Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что смешон»². Продолжая эту мысль, можно сказать, что главный герой романа, «Князь Христос», как иногда называет его автор в черновиках, прекрасен потому, что идиотичен, ненормален с точки зрения требований, правил и привычек эгоцентрической природы человека. В этом отношении он сродни Алеше Карамазову, который в черновиках к «Братьям Карамазовым» неоднократно называется Идиотом, а в авторском введении к роману характеризуется как «чуждак», выражающий своей «странностью» подлинную человечность: «Ибо не только чуждак “не всегда” частность и обособление, а напротив, бывает так, что он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи — все каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...»¹.

Разрабатывая в 1868 г. темы «Идиота», отражающие «странные приключения» главного героя, автор намеревался развить сходную мысль, что, «может быть, в Идиоте человек более действителен», чем во всех других окружающих его персонажах. Об этом свидетельствуют, например, слова Настасьи Филипповны, обращенные к Мышкину перед ее уходом с Рогожиным: «Прощай, князь, в первый раз человека видела!» — или Ипполита, перед попыткой самоубийства: «Стойте так, я буду смотреть. Я с Человеком прощусь».

1 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 2. С. 251.

2 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 2. С. 251.

«Идиотизм» князя Мышкина провоцирует выход на поверхность всех скрытых намерений других персонажей и обнаружение подлинного краха мнимой, иллюзорной «нормальности» той жизни, в которой он оказался и которая движется в границах «темной основы нашей природы», так сказать, совершенствуясь в своей темноте на стыке развития практически-земных интересов. «Нелепость» и «непрактичность» Мышкина, его «безумное» пренебрежение собственными интересами, непосредственность и искренность, незащищенность и доверчивость при неспособности лгать и остроумно, пронизательно и глубоко уме косвенно выступают своеобразным евангельским эквивалентом, выраженным в словах: «...Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1 Кор., 1:27). Более того, появление князя в пореформенной России среди нарождающихся капиталистов и ростовщиков, разного рода авантюристов и дельцов, поклоняющихся золотому тельцу и служащих мамоне, обнажает сами основы «естественного» порядка, предельным выражением которого становятся смерть и апокалиптическое состояние мира.

Многие персонажи «Идиота» одержимы разрушительной страстью наживы, которая принижает и опустошает их души. «Здесь ужасно мало честных людей, — замечает тринадцатилетний Коля Иволгин в разговоре с Мышкиным, — так, даже некого совсем уважать... И заметили вы, князь, в наш век все авантюристы! Именно у нас в России, в нашем любезном отечестве. И как это так все устроилось — не понимаю. Кажется, уж как крепко стояло, а что теперь?.. Родители первые на пятый и сами своей прежней морали стыдятся. Вон, в Москве, родитель уговаривал сына ни перед чем не отступать для добывания денег; печатно известно... Все ростовщики, все, сплошь до единого».

Действительно, появляясь в богатом особняке Епанчиных или скромном доме Иволгиных, в мрачном жилище Рогожина или на вечеринке у Настасьи Филипповны, главный герой везде сталкивается с неумным стремлением к приобретательству,

1 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 5.

заполняющим или даже искажающим чисто человеческие желания и высшие свойства личности. Генерал Епанчин представляет собой тип сановника-капиталиста, участвует в откупках и акционерных компаниях, имеет два дома в Петербурге и фабрику, «слывет человеком с большими деньгами». Новое амплуа генерала заставляет его и в замужестве собственной дочери видеть выгодную сделку и помогать стареющему сановнику Тонкому «Продать» его грехи Гане Иволгину. Последнему же нужны деньги, чтобы реализовать амбиции своей самолюбивой, тщеславной и посредственной натуры. «Я прямо с капитала начну, — откровенничает он с Мышкиным, — чрез пятнадцать лет скажут: “вот Иволгин, король иудейский!”... Нажив деньги, знайте, — я буду человек в высшей степени оригинальный. Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают... Меня Епанчин почему так обижает?.. Просто потому, что я слишком ничтожен. Ну-с, а тогда...» Коварная сила денег тяготее и над Рогожиным, в купеческом роде которого с фантастическим изуверством наживали капитал. «А ведь покойник, — говорит он, — не то что за десять тысяч, а за десять целковых на тот свет сживал». Брат Парфена Рогожина Семен готов обрезать с парчового покрывала на гробе отца золотые кисти — «оне, дескать, эвона — каких денег стоят». У самого Парфена Рогожина стремление к наживе соседствует с чувственной страстью. Ради ее насыщения и удовлетворения себялюбивой алчности он готов перекупить Настасью Филипповну за сто тысяч. И когда она бросает эти деньги в огонь, обнажаются господствующие низкие чувства присутствующих: Лебедев «вопит и ползет в камин», Фердыщенко предлагает «выхватить зубами одну только тысячу», Ганя падает в обморок и даже князь Мышкин заявляет, что он тоже миллионер, получил наследство и готов предложить свою руку героине.

Наступление низшего на высшее, золотого тельца на истинную любовь, когда христианский идеал отступает перед мамонной, а предметом купли-продажи становятся красота и человеческое достоинство, создает в романе «убийственную» атмосферу. Его герои часто обращаются к газетным известиям, к текущей уголовной хронике, например, к делу купца Мазурина, зарезавшего ювелира Калмыкова, или студентов Горского, убив-

шего в доме купца Жемарина шесть человек, и Данилова, ограбившего ростовщика Попова и его служанку и расправившегося с ними. Глагол «зарезать» много раз звучит на страницах «Идиота» еще до того, как брачная ночь Рогожина с Настасией Филипповной заканчивается ее убийством. Такой финал предсказывает в самом начале романа Мышкин. его предчувствует она сама, разгадывая тайну «мрачного, скучного» рогожинского дома. Разоблачая черное корыстолюбие Гани, Настасья Филипповна оценивает общее поветрие и предполагает, что «этой за деньги зарежет! Ведь теперь их всех такая жажда обуяла, так их разнимает на деньги, что они словно одурели. Сам ребенок, а уж лезет в ростовщики!». Во второй части Бурдонский выдает себя за незаконного сына Павлищева, благодетеля Мышкина, и затевает против последнего тяжбу для собственного обогащения, а его приятель Келлер помещает в газете клеветническую статью о князе. Наблюдая компанию шантажистов, которые «дальше нигилистов ушли». Лизавета Прокофьевна Кпанчина, в полном согласии с мыслью самого автора, приходит к предельному выводу. «Уж и впрямь последние времена пришли, — кричит она. — Теперь мне все объяснилось! Да этот косноязычный разве не зарежет (она указала на Вурдовского)? Да побьюсь об заклад, что зарежет! Он денег твоих десяти тысяч, пожалуй, не возьмет... а ночью придет и зарежет, да и вынет их из шкатулки. По совести вынет!.. Тьфу, нее навыворот, все кверху ногами пошли... Сумасшедшие! Тщеславные! В Бога не веруют, в Христа не веруют! Да ведь вас до того тщеславие и гордость проели, что кончится тем. что вы друг друга переедите, это я вам предсказываю. И не сумбур это, и не хаос, и не безобразия это?!» Как и во всем позднем творчестве. Достоевский в «Идиоте» сводит социально-нравственный кризис к религиозному, к потере веры, в результате чего торжествует «темная основа нашей природы», а человеком управляют гордыня и алчность, ненависть и чувственность, замаскированные «демократической» и «Юридической» шелухой. «Все, что я выслушал... — говорит Евгений Павлович Радомский, опять-таки выражая авторскую точку зрения, — сводится, по моему мнению, к теории восторжествования права, прежде всего и мимо всего, и даже с исключением всего прочего, и даже, может быть, прежде исследова-

ния, в чем и право-то состоит?.. От этого дело может прямо перескочить на право силы, то есть на право единичного кулака и личного захотения, как, впрочем, и очень часто кончалось на свете. Остановился же Прудон на праве силы. В американскую войну многие самые передовые либералы объявили себя в пользу плантаторов, в том смысле, что негры суть негры, ниже белого племени, а, стало быть, право силы — за белыми... Я хотел только заметить, что от права силы до права тигров и крокодилов и даже до Данилова и Горского недалеко».

По пророческой логике Достоевского, в такой общественно-исторической ситуации, когда разнообразятся и множатся эгоистически-индивидуалистические стимулы поведения людей и вырабатываются соответствующие образцовые формулы «всяк за себя и только за себя», «после нас хоть потоп», «счастье лучше богатства», «своя рубашка ближе к телу», «рыба ищет где глубже, а человек где лучше», питать чрезмерные надежды на юридические гарантии и формальные законы было бы наивной иллюзией, а путь от прекрасноразумного либерализма, единичного кулака и личного захотения до права тигров и крокодилов не столь уж длинный. И не потому лишь, что, повинувшись духу времени, «судьи» превращаются в «нанятую совесть», принимают описанных в «Идиоте» «биржевиков», «тиграт» и «крокодилчиков» за прогрессивных деятелей. Дело в том, что формальное право порою не только не затрагивает, но и сокращает, отодвигает на задний план нравственное ядро человека и тем самым как бы закрепляет «низкие причины» его поведения, говоря словами Лизаветы Прокофьевны, хождения «кверху ногами». Так, в романе Лебедев взялся защищать за обещанное вознаграждение не жертву, а обманувшего ее ростовщика. Другой адвокат пытался убедить слушателей, что мысль убить естественно должна была прийти бедному преступнику, и гордился про себя, что высказывает самую гуманную и прогрессивную мысль. Рогожин же не противоречил ловкому и красноречивому своему адвокату, ясно и логически доказывавшему, что совершившееся преступление было результатом воспаления мозга. Такой диапазон извращения понятий и возвышенно лживой казуистики выводит за скобки разговор о совести и нравственной ответственности человека и тем самым

сохраняет и подпитывает преступную и «убийственную» атмосферу жизни, обогащая одновременно всевозможных «юристов» и «законников». Конечно же, Достоевский не был отрицателем правовых отношений и отдавал должное их относительным достоинствам. Вместе с тем он прекрасно понимал, что заключенные в них ценности низшего порядка нельзя поднимать на котурны, возводить в превосходную степень, принимать за максимум и панацею и тем самым вольно или невольно разрушать даже их. «Все в нынешний век на мере и договоре, — выражает мысли автора один из персонажей “Идиота”, рассуждая об апокалиптических признаках, — и все люди своего только права и ищут... да еще дух свободный, и сердце чистое, и тело здоровое, и все дары Божии при этом хотят сохранить. Но на едином праве не сохраняют».

По убеждению Достоевского, вследствие изначальной слабости и порочности человека, «закон» неизбежно и крайне необходим (особенно в историческом контексте деспотизма и беззакония). Однако без «благодати» и «даров Божиих», без чистого сердца и настоящей свободы, т.е. внутренней независимости от своекорыстия, он таит в себе возможность саморазрушения и не имеет никаких преград для поиска лазеек в утверждении «своего права» и «законного» беззакония.

Обезбоженное состояние дехристианизированного мира символизирует в романе находящаяся в доме Рогожина картина Гольбейна «Мертвый Христос», изображающая Спасителя тлеющим трупом и связанная с важной, в общем замысле романа, исповедью умирающего от чахотки Ипполита Терентьева. Картина эта означает для последнего отсутствие веры в божественность Христа и реальное бессмертие, а стало быть, — торжество смерти. «Тут невольно приходит понятие, — размышляет Ипполит, — что если так ужасна смерть и так сильны законы природы, то как же одолеть их? Как одолеть их, когда не победил их теперь даже тот, который побеждал природу при жизни своей?.. Природа мерещится при взгляде на эту картину в виде какого-то огромного, неумолимого и немощного зверя или, вернее, гораздо вернее сказать, хоть и страшно, — в виде какой-нибудь громадной машины новейшего устройства, которая бессмысленно захватила, раздробила и поглотила в себя, глухо и бесчув-